

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ
СБОРНИК

III

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

М. А. Коростовцев

БЫЛИ ЛИ НАЧАЛА МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ?

Для того чтобы определенно ответить на поставленный в заглавии вопрос, прежде всего надо вполне четко и ясно определить, что именно такое материалистическое мировоззрение. Обращаясь к вполне авторитетному и компетентному труду по истории философии, читаем: «основным вопросом философии всегда был и поныне остается вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, сознания к материи. В соответствии с тем, как философы отвечают на этот вопрос, они делятся на два основных лагеря. Те, которые признают первичной материю, природу, бытие, составляют лагерь материализма, те же, которые считают первичным дух, сознание, мышление, ощущение, составляют лагерь идеализма»¹.

Итак, прежде всего для того чтобы решать, к материализму или идеализму отнести ту или иную идею или представление, выраженные в каком-то тексте, необходимо наличие в мышлении этого общества известного расщепления идеологии, противопоставление друг другу двух принципов миропонимания — идеализма и материализма, необходимо иметь конкретные тексты, свидетельствующие о наличии такого расщепления. В условиях отсутствия такого расщепления вряд ли можно говорить о философии.

Несколько ниже в цитированном труде опять-таки вполне правильно говорится: «философская мысль, как бы слабо она ни была развита, основывается на знаниях, противопоставляемых слепой вере»², что касается религиозной мысли, то она покоится на вере, но никак не на знаниях. Все это, конечно, вполне ясно и может вызвать возражения только с конфессиональных позиций.

Надежда Константиновна Крупская очень тонко и глубоко указала на соотношение науки и религии. «Нечего и говорить

---

¹ История философии, т. I, М., 1957, стр. 9.

² Там же, стр. 30.

о том, что в настоящее время всякая религия является полной противоположностью науке. Но если мы посмотрим на историю религий, то в свое время таких «ножниц» между наукой и религией не было. Когда-то наука совпадала с религией, и только по мере того, как наука отделилась от церкви и стала работать другими методами, другими способами, только после этого получилась пропасть между религией и наукой. По мере того как эта пропасть возрастала, религиозные представления все больше и больше стали служить средством обмана. То, что думали люди науки, которые в то же время были и людьми религии, они несли в массы. Теперь даже сами представители религии совсем не верят в то, что Иисус Навин остановил солнце, и другим небылицам, имеющимся в Библии. Но они говорят об этом массам... Если мы посмотрим на Древний Египет, то там представители религии — жрецы — вели громаднейшие наблюдения метеорологического характера, знали, когда будет разлив рек, могли предсказать это; в области медицины и ряда естественных наук они также стояли на высоте достижений того времени»³.

К сожалению, эти замечательные слова Н. К. Крупской незаслуженно забыты и не используются в должной мере в наших историко-религиозных исследованиях, а между тем именно в них дается точная, правильная, исторически верная картина соотношения процесса исторического развития религии (сюда можно включить и идеализм), с одной стороны, и становления и эволюции материализма — с другой. Совершенно ясно и понятно, что и хронологически, и стадияльно идеализм и материализм во всех своих формах появляются одновременно, и разрыв этот не так уж мал: ведь для появления материализма необходим какой-то уровень накопления позитивных познаний. А этот уровень достигается лишь в условиях если не полностью господства религии и идеализма, то во всяком случае их доминирующего положения в человеческом мышлении. Шаги вверх к этому уровню происходят стихийно, медленно, исподволь, и, наконец, когда-то наступает такой момент, когда материализм осознается людьми как такое направление мышления, которое имеет право на существование. Без этого сознания не существует ни философии, ни материализма. Это сознание является необходимым и достаточным условием для их возникновения и становления. Без этого сознания не могло быть ни философии, ни материализма. Несомненно, что те или иные здравые суждения о мире и окружающей среде появлялись уже у первобытного человека: ведь именно реальное бытие опреде-

³ Н. К. Крупская, Вопросы атеистического воспитания, М., 1961, стр. 118—120.

ляет сознание. Но от таких «прорывов» здравого мышления через пелену религиозного тумана до появления материализма бесконечно далеко. Поэтому недоумение вызывает крайне неудачная формулировка, гласящая что «Материализм как мировоззрение впервые оформился в странах Древнего Востока — Египте, Вавилоне, Индии и Китае, где развитие философской мысли достигло значительных успехов. Уже древнеегипетские мыслители ставили вопрос о материальной основе природных явлений, считая таковой воду»⁴.

Во-первых, по вышеуказанным причинам материализм не мог возникнуть в египетском обществе, где весь видимый и ощущаемый египтянами природный мир объяснялся в плане своего происхождения и существования как создание сверхприродных сил — т. е. богов. Здравые логические мысли по частным вопросам, которые подсказывало реальное бытие, вовсе не осознавались как нечто отличное от религиозного мышления: ведь вся прагматика будничной ежедневной жизни безусловно порождает мысли материалистического порядка, но объективная оценка этих мыслей — это оценка современной науки, но никак не оценка самих египтян: свои самые ценные здравые мысли и наблюдения египтяне рассматривали как откровение божества, как завет предков и т. д., в общем, как нечто вполне укладывающееся в религиозное мироощущение, но не как нечто противостоящее и противоположное ему. Именно поэтому эти частые и стихийные, бессознательные «прорывы» в окружающей их общество плотной пелене религиозного мироощущения никак нельзя назвать ни элементами, ни зачатками материализма. Ленин к истории философии предъявлял строгие требования. Он очень положительно отзывался о Гегеле следующими словами: «превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого „развития“ их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»⁵.

Приведенная выше цитата из БСЭ является наглядным примером нарушения этого ленинского требования: у древних египтян не было еще осознанного ими материалистического мышления, противопоставленного идеалистическому. Что же касается слов в статье БСЭ: «уже древнеегипетские мыслители ставили вопрос о материальной основе природных явлений, считая таковой воду», — то это явное недоразумение. Слова о египетских мыслителях, ставивших вопрос о материальной основе природных явлений, основаны на совершенно некритическом восприятии Плутарха (I в. н. э.). Плутарх пишет, что Фалес (VI в.

⁴ БСЭ, изд. 2, т. 26, 1954, стр. 505.

⁵ В. И. Ленин, Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии», — Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 222.

до н. э.) заимствовал у египтян мысль о том, «что вода основа и начало всего существующего»⁶. Но это слова Плутарха о египтянах, а не египтян о самих себе. Плутарха от Фалеса отделяют семь веков, во время которых у греков возникла и развилась философия и, конечно, материализм. Несомненно, что если Плутарх знал Фалеса, то он знал и своих греческих материалистов и в своем именно греческом философском понимании передал содержание египетской мифологемы, согласно которой мир произошел из первобытного океана — Хаоса. Но последний у египтян является одной из центральных фигур мифологемы о происхождении мира, а никак не исходным элементом всего бытия. Конечно, на это можно возразить, что мифологический облик скрывает материалистическую мысль, и это в известной степени правильно, но в таком случае этот принцип следует признать в отношении всей мифологии вообще, и в частности библейского мифа о происхождении мира, но это еще не дает никакого основания для признания мифологемой одной из форм проявления раннего материализма: ведь в мифологемах природное объясняется сверхприродным, а не наоборот.

Вообще еще никто не сумел ни в одном египетском тексте обнаружить элементы философского материализма — т. е. сознательного материализма, противопоставляющего себя религиозно-идеалистическому мировоззрению.

Здесь следует еще раз категорически подчеркнуть, что лишь при наличии хотя бы самых частных, но осознанных мыслей материалистического порядка, противопоставляющих себя религиозно-идеалистическому мышлению, можно говорить об элементах или зачатках материализма. Без этого о материализме говорить бессмысленно в силу самого определения идеализма и материализма как таковых. Следует со всей определенностью заявить, что в огромной массе дошедших до нас египетских текстов разных времен нет ни одного, в котором можно было бы обнаружить антирелигиозные мысли, базирующиеся или даже не базирующиеся на позитивном познании.

Конечно, традиционные религиозные догмы в египетском обществе далеко не были чем-то абсолютно неподвижным, застывшим, неизменным. Они подвергались существенным видоизменениям по форме и во времени, и в географическом ареале страны, т. е. они воспринимались и толковались по-разному, временами порождая глубокий скептицизм. Но все это были колебания и вариации внутри религиозного мышления, и по сути дела они никогда не выходили за пределы религии, как таковой. Адвокаты наличия зачатков материализма в древнем

⁶ Plutarch, *De Iside et Osiride*, 34, издание Gwyn Griffiths, University of Wales Press, 1970, стр. 171.

Египте ссылаются обычно на известные под общим названием «Песнь арфиста» заупокойные тексты, встречающиеся в ряде гробниц Нового Царства⁷.

Основной мотив этой песни: земная жизнь бременна и скоротечна, и что постигает человека после смерти — никому не известно. Люди имеют уже в этом печальный опыт в течение многих столетий: грандиозные усилия, затрачиваемые людьми на соблюдение заупокойного культа, имеющего своей основной целью обеспечить вечную жизнь за гробом, явно беспредельны: с течением времени гробницы разрушаются и расхищаются, заупокойная служба прекращается, и тем самым основные условия для «вечной» жизни не соблюдаются. Никто не возвращался на землю «оттуда», чтобы рассказать, что «там». Какой же смысл в том, чтобы придерживаться этого культа? Поэтому надо пользоваться всеми благами жизни — на этой земле.

Таким образом, перед нами явный и ярко выраженный скептицизм по отношению к многовековому традиционному учению о загробной жизни и связанному с ним культу умерших. Этот скептицизм был, несомненно, серьезной брешью в религиозном миросозерцании, но также неправильно было бы полагать, что учение о загробной жизни было основой египетской религии. Этот скептицизм не может рассматриваться как проявление материализма, ибо этот скептицизм — негативное явление, позитивные моменты в нем отсутствуют, он не затрагивает ни в какой мере религию, как таковую.

Были и попытки опереться на известную всем знающим египетскую литературу «Беседу разочарованного жизнью со своей душой». Этот очень трудный для понимания текст издавался и переводился неоднократно, но надо признать совершенно определенно, что он не содержит антирелигиозных моментов. Последний его исследователь Рональд Вильямс в своей статье пересчитывает и кратко аннотирует все опубликованные переводы и исследования текста, в том числе и трех советских ученых⁸. Как и ряд других зарубежных исследователей, Р. Вильямс полагает, что в «Бесede» проявлен острый скептицизм в отношении заупокойного культа умерших, что разделяет и Францев. Но в конечном итоге это тот же скептицизм, что и в «Песне арфиста». Здесь следует добавить, что проявление этого скептицизма, переходящего позже в пессимизм, встречается в текстах

⁷ M. Lichtheim, *The Songs of the Harpers*,—JNES, 4 (1945), стр. 178—212.

⁸ Н. Мещерский, К переводу «Беседы разочарованного со своим духом»,—ЗКВ, II (1927), стр. 365—372; И. М. Лурье, «Беседа разочарованного со своим духом»,—ТОВГЭ, I, 1939, стр. 141—153; Ю. П. Францев. Философское значение «Беседы разочарованного»,—сб. «Древний Восток», М., 1960, стр. 206—215.

значительно позднее и в очень яркой форме. Во времена Бубастидов влиятельный жрец Амона, по имени Небнетеру, заявляет в своей посмертной надписи: «то, что наступает после смерти, болезненно, ты лишаешься принадлежавшего тебе, ты находишься в покое без сознательности, в то время как наступает утро, которое не для тебя, ты ничего не знаешь, и ты спишь, когда солнце на востоке, и ты испытываешь жажду, несмотря на принесенное тебе пиво». В конце времени Лагидов, Та-Имхотеп, жена жреца, пишет в своей надгробной надписи: «страна Запада (страна умерших) — это страна сна, где царит подавляющий мрак, занятием находящихся там является сон. Они не просыпаются, чтобы повидать своих братьев, они не видят ни отцов, ни матерей. Их сердца обходятся без детей и жен. Вода жизни, питающая всякую жизнь,— она жажда для меня. Она достается только находящимся на земле. Я страдаю от жажды, хотя вода (принесенная мне по обряду) рядом со мной. Я не знаю, где я, с тех пор как я прибыла в эту долину»⁹. Подобного рода мысли находят, конечно, в вопиющем противоречии с традиционным оптимистическим представлением о загробной жизни, с мыслью о необходимости культа умерших. Итак, мы видим два течения мысли — догматическое, традиционное, и скептическое. Но по сути дела ни одно из них не является атеистическим, материалистическим, так как не ставит под вопрос существование богов, их роль в создании и управлении миром.

Здесь можно и должно указать еще на одно проявление «скептицизма» в истории египетской религии — этим проявлением была знаменитая реформа египетской религии, проведенная Эхнатомом: ведь он 1) отменил верования во все бесчисленные божества египетского пантеона и даже отказался от традиционного слова «нетер» — бог; 2) установил почитание и культ солнца, Атона (по термину Ю. Я. Перепелкина «солнцеклонничество»), отказавшись от всяких мифологических аппендиксов к нему; 3) традиционный культ умерших если и не был отменен, то во всяком случае запущен. Все это вместе взятое — несомненные проявления «скептицизма» в сфере традиционной религии, ибо здесь были отменены и Амон, и Ра, и Пта, и все прочие великие боги, причем скептицизма глубокого и всестороннего. Реформа Эхнатона была порывом к монотеизму на грани даже с атеизмом. Но «культ Атона не выходил за пределы высшего класса, точнее двора»¹⁰. Не путив корни в толщу народа, он, естественно, умер вместе со своим основателем.

К какому же лагерю мы должны относить египетскую религиозную идеологию, к порождению идеализма или материа-

⁹ S. Morenz, *La religion égyptienne*, Paris, 1962, стр. 245.

¹⁰ Б. А. Тураев, *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1935, стр. 289.

лизм? Вполне понятно и логично, что наука нашего времени египетскую религию, как и всякую религию вообще, рассматривает как идеалистическое порождение ума. Но таковой для египтян она не была и не могла быть, ибо им было совершенно неизвестно, что такое идеализм и что такое материализм. Несомненно, что в египетской религии были такие элементы, и притом оказывавшие мощное влияние на мышление египтян, как мысль о том, что разные аспекты *ка*, как и сама душа, являются чем-то настолько реальным, настолько, можно было бы сказать, материальным, что их можно было повредить огнем или вообще окончательно уничтожить. Но такие моменты присущи и христианству в учении об аде и рае, всеобщем воскрешении мертвых, воскрешении и вознесении Христа и т. п. Но это, конечно, не основание для объявления христианства материалистическим учением. Но кем же тогда были египтяне в плане мировоззрения? К ним можно полностью применить слова авторитетного советского религиоведа Б. Шаревской о первобытных народах: «в отношении первобытного человека вообще нельзя говорить о системе мировоззрения, материалистической или идеалистической»¹¹. Конечно, египтяне не были первобытным народом, но в этом плане они сохранили древние, доклассовые представления, которые и продолжали жить до конца египетской культуры. Тот несомненный факт, что сами египтяне считали многообразные плоды своей религиозной фантазии такой же реальной действительностью, как и все то, что они воспринимали своими ощущениями, свидетельствует, что в их собственном сознании на протяжении всей их истории понятия «идеализм» и «материализм» не созрели. И далее: «наука, этот великий антагонист религии, окончательно отделилась от нее и начала борьбу с ней с открытым забралом только очень поздно, в классовом обществе»¹². Здесь следует подчеркнуть, что проявления разного рода «скептицизма» религиозного характера в массовом масштабе органически связаны с социальными сдвигами и движениями. К сожалению, эта сторона вопроса по сути дела не изучена: всякая «ересь» по отношению к традиционной религии выражала в религиозной форме какие-то чаяния и надежды разных групп населения, так или иначе активизируя их социальную значимость.

Итак, можно совершенно определенно сказать, что «начал» или «зачатков» материалистического мировоззрения в древнем Египте не было: их наличие не засвидетельствовано никакими источниками, и оценка религиозного скептицизма как проявле-

¹¹ Б. Шаревская, О методологической и терминологической путанице в вопросах первобытного мышления, — «Советская этнография», 1958, № 6, стр. 70.

¹² Там же, стр. 75.

ния материализма ни в теоретическом плане, ни на основе источников доказана быть не может. Но из этого вовсе не следует, что ряд наблюдений и выводов древних египтян был фантастическим бредом, не отражавшим реальную земную жизнь, и опыт их культуры и истории вовсе ни в какой мере не расходится с основным положением исторического материализма о том, что бытие определяет сознание.

Приведу пример из египетской медицины. Здесь тоже была, как об этом свидетельствуют медицинские тексты, борьба с традиционной медициной, включавшей, помимо народной диагностики и фармакологии, магию в виде заговоров, которыми оснащено большинство медицинских текстов, например папирус Эберс, но существуют и такие тексты, которые не имеют их вовсе, например знаменитый папирус Эдвин Смит. Но самое интересное и значительное это то, что египтяне разработали на основании практики и свою этиологию, свое учение о происхождении болезней, имевшее несомненное научное направление мысли. Во многих медицинских текстах встречается слово *whdw*, которое германские египтологи переводят немецким *Schmerzstoff* и которое, как показали исследования R. O. Steu-er'a¹³, обозначает такую ткань человеческого тела, которая порождает болезни и сама порождается остатками излишней пищи в организме. Это убеждение было широко распространено в народе. Посетивший Египет в V в. до н. э. Геродот (II, 77) писал: «желудок свой они очищают каждый месяц три дня подряд, принимая слабительные средства, и сохраняют здоровье рвотными и клистирами. Ведь, по их мнению, все людские недуги происходят от пищи».

Таким образом, по этому вопросу мы имеем счастливое совпадение: показание греческого историка-очевидца и самих египетских текстов. Но вполне ясно и понятно, что это лишь незначительный «прорыв» религиозной пелены мыслью, порожденной практикой. И несмотря на большое число таких «прорывов» во всех отраслях египетских познаний и в любой сфере жизни, их количество не перешло в качество и не превратилось в материалистическое мышление или направление мышления, как это имело место, скажем, в древней Греции. Но причины устойчивости религиозных представлений в древнем Египте — это уже другой вопрос, не подлежащий рассмотрению в данной статье.

¹³ R. O. Steu-er, *whdw*, Aetiological Principle of Pyaemia in Ancient Egyptian Medicine, Baltimore, 1948 (Supplement to the Bulletin of the History of Medicine, № 10).